

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Теоретические истоки и особенности институционализации социологии окружающей среды

Abstract

In the article, the theoretical origins of environmental sociology in a classic sociological theory are examined. The basic stages of genesis of eco-sociological theory are analyzed in detail, particularly such directions in sociology, as social Darwinism, geographical school, as well as K. Marx's, E. Durkheim's, and M. Weber's views on the interrelations between society and its natural environment. Special attention is paid to socio-ecological conception of Chicago school of Urban sociology, Human ecology, Duncan–Schnore's Ecological complex theory. The disparateness of conceptual content of notions of social ecology and sociology of natural environment is also ascertained in the article. Whereas a social context and theoretical origins of environmental sociology in the West and in the former USSR appreciably differ, the features of institutionalization of Western and (Post-) Soviet Environmental Sociology are examined at length.

Социология окружающей среды получила признание как отдельная отрасль социологии, однако остается недостаточно проясненным ее отношение к социологической традиции. В течение продолжительного времени социология окружающей среды занимала позиции очевидного критического оппонирования общей теоретической социологии. Однако не следует рассматривать социологию окружающей среды главным образом как критику основной социологии, поскольку теоретические диспуты общей социологии присутствуют и в этой отрасли социологии.

Как замечает представитель конструктивистского направления в американской социологии окружающей среды Фредерик Баттель, современная социология “как бы отражает двойной взгляд на биологию, экологию и

окружающую среду” [Buttel, 1986: p. 337]. С одной стороны, на социологические идеи существенно повлияли представления о развитии организмов, об эволюции и адаптации, применение концепций, заимствованных из биологической экологии и других естественных наук. Вместе с тем развитие социологической теории испытало влияние течений, направленных против биологического редукционизма различных направлений, прежде всего социал-дарвинизма и инвайронментального детерминизма.

Согласно Ф.Баттелю, “в широком смысле цель социологии заключается в том, чтобы обеспечить интегральный анализ всех институциональных аспектов общества путем исследования взаимодействий между макро- (структурным) и микро- (социально-психологическим) уровнями реальной жизни” [Buttel, 1986: p. 337]. Указанная цель, считает автор, неизбежно выдвигает перед социологами вопрос о том, каким образом человеческая общность получает средства для существования и каковы взаимоотношения между общностью и ее ресурсной базой. Такое расширение социологических горизонтов, согласно Баттелю, тормозят антропоцентрические традиции социологии. При этом антропоцентризм имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Человек как “зоологический объект социологии” (по словам Баттеля) является уникальным существом среди животного царства в плане его культурных способностей и символических коммуникаций. Поэтому, приходит к выводу Баттель, “социология не может и не должна становиться ответвлением бихевиоральной экологии. Наряду с этим человеческие существа образуют только один биологический вид и являются интегральной составляющей биосферы. Всестороннее понимание прошлого и будущего развития человеческих общностей окажется проблематичным, если не рассматривать экологический и материальный субстрат существования человека” [Buttel, 1986: p. 338].

Рассматривая генезис экосоциологической теории, в первую очередь на этапе освещения взаимоотношений человека и общества с окружающей природной средой, в рамках традиционной социологической теории, следует учитывать указанную двойственность взгляда классической социологии на биологию/экологию и факт неотъемлемого дуализма в самом существовании человека.

В научной литературе распространены довольно разные толкования того, какое именно теоретическое наследие социологов нужно признать классическим или традиционным.

В частности французский социолог Р.Арон предостерегает исследователей от чрезмерной педантичности. С его точки зрения, в социологии не существует неоспоримых истин, поскольку она только предлагает определенные умозрительные схемы, которые могут показаться устаревшими и ошибочными. Однако в другом социальном контексте эти научные положения снова приобретают весомость и актуализируются. Поэтому, подчеркивает Р.Арон, лучше говорить об этапах, нежели об истории социологической мысли. Несмотря на отмеченные предостережения в отношении классического наследия в социологии, Р.Арон характеризует вторую половину XIX века как переломную эпоху в развитии социологии. Этот временной промежуток представляют, согласно Р.Арону, три выдающихся социолога — Э.Дюркгейм, В.Парето и М.Вебер [Арон, 1993: с. 7–11].

Российские социологи С.Кравченко, М.Мнацаканян и М.Покровский выделяют разные социологические теории, относящиеся к классике, модерну и постмодерну, и, соответственно, методологии — классическую, неклассическую и постнеклассическую. Они считают, что “современная социология состоит из многих общепризнанных теорий, каждая из которых, используя свой инструментарий, анализирует только отдельные аспекты общества, отдельные тенденции общественного развития, присущие конкретному времени, и тем самым вносят свой определенный вклад в общие представления об обществе” [Кравченко и др., 1998: с. 5].

Развитие социологической теории названные социологи рассматривают с позиций социологических парадигм, которые они условно разделяют на три больших группы.

К *структурным парадигмам* они относят структурный функционализм и марксизм. Социологи-функционалисты рассматривают общество как систему его взаимозависимых составных структур, образующих единое целое. Для этих парадигм в целом характерна классическая методология исследования общества, которая определяется признанием объективности социальных реалий и уверенностью в возможностях инструментария социального познания. Именно структурные парадигмы, подчеркивают российские ученые, в социологической литературе получили название “классических”. В свою очередь, *интерпретативные парадигмы* акцентируют изучение и интерпретацию человеческого поведения, его мотивов, главным образом на микроуровне. Наиболее известные интерпретативные парадигмы берут начало из теорий социального действия М.Вебера, символического интеракционизма и социального психоанализа. Сторонники этих парадигм, опираясь на так называемую неклассическую методологию, пытаются преодолеть препятствия, мешающие углубленному пониманию социальных реалий. В частности, каждая социальная общность обладает неповторимым ценностным миром, обстоятельства всегда субъективны, исследователь тоже не может быть абсолютно беспристрастным, а значит, не может быть единого, универсального объяснения социальных реалий. Как отмечают С.Кравченко, М.Мнацаканян и М.Покровский, эти парадигмы в социологической литературе чаще всего называют “модернистскими”. И наконец, *интегральные и объединительные (диалектические) парадигмы*, связанные с анализом социальных реалий с учетом единства объективного и субъективного, структуры и индивида. Создателем интегральной социологии является П.Сорокин, а П.Бурдьё и Э.Гидденс пытаются объединить структурные и интерпретативные парадигмы. Под углом зрения упомянутых российских исследователей, объединительные парадигмы позволяют изучать эффект возникновения из дезорганизации и хаоса самоорганизованных общественных структур и являются воплощением социологического “постмодерна” [Кравченко и др., 1998: с. 20–23].

Осуществленный автором анализ значительного массива научной литературы выявил, что среди ведущих специалистов по экологической социологии (У.Кеттон, Р.Данлеп, А.Шнайберг, Ф.Баттель, О.Яницкий и др.) получило распространение “виртуально универсальное мнение о том, что Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер являются главными классиками социологической теории” [Buttel, 1986: p. 338]. Не имея весомых аргументов против данного утверждения, автор, тем не менее, считает целесооб-

разным проследить генезис экосоциологической теории с привлечением более широкого теоретического массива социологической науки.

Длительную историю социальных теорий эволюции и развития, построенных на биологических аналогиях, мастерски продемонстрировали в своих работах Р.Нисбет [Nisbet, 1969] и К.Бок [Bock, 1978].

Биологические аналогии были положены в основу взглядов О.Конта, считавшего, что общество устроено аналогично живому организму. Социальные институты (в частности государство, религия, семья), с его точки зрения, были для общества тем, чем являются органы для физического тела. О.Конт склонялся к мысли, что социальные явления подчиняются законам, общим для всей действительности. Поскольку не существует никаких специфических законов, социология должна строиться по образцу естественных, “позитивных” наук. Наиболее известный социальный эволюционист XIX века Г.Спенсер опирался на работы О.Конта и тоже рассматривал общество в качестве своеобразного организма. Но если Конт видел источник социальных изменений в прогрессе, связанном с накоплением знаний, то Спенсер ставил на первое место эволюционный отбор.

Эволюционная теория Г.Спенсера опиралась на естественный материал, и эволюционизм распространялся на все явления природы и общества как развивающиеся по законам природы. Именно Спенсер ввел в социологию тезис об однопорядковости явлений борьбы за существование и конкуренции в человеческом сообществе, а также сформулировал концепцию социальных институтов на основе аналогии социального и биологического организмов, хотя и признавал наличие существенных отличий между ними. С точки зрения Г.Спенсера, благодаря сходству принципов системы организации общество, подобно биологическому организму, наращивает массу (то есть человеческие и материальные ресурсы). В итоге усложняется структура, происходит дифференциация функций его составляющих, постепенно усиливается взаимозависимость и взаимодействие этих элементов [Nisbet, 1969: p. 588–590].

О.Конта и Г.Спенсера вполне правомерно считать теми, кто заложил первичный фундамент функционализма в рамках аналогий с органическим миром.

Нисбет и Бок, анализируя социальные теории XIX века, также подчеркивают весомый вклад Ч.Дарвина в развитие социальной теории, значительное влияние его взглядов (наряду со взглядами Спенсера) на работы Мальтуса, который сделал известное обобщение о том, что народонаселение увеличивается быстрее, чем соответствующие материальные условия жизни. Опираясь на этот закон, приходит к выводу М.Ковалевский, “социолог с необходимостью должен предполагать наступления регресса для общества в момент, когда рост населения настолько превысит средства для его пропитания, что обусловит либо увеличение смертности, либо искусственное сокращение числа рождений, либо необходимость эмиграции” [Ковалевский, 1997: с. 56].

Социальные теории Конта, Спенсера и Мальтуса активно обсуждались в биологической литературе того времени, что способствовало взаимному обогащению биологических и социальных взглядов.

Рассматривая генезис экосоциологической теории, следует упомянуть такие направления в социологии, как социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) и географическую школу.

Наиболее известные представители социального дарвинизма (У.Беджгот, Л.Гумплович, Г.Ратценхофер, У.Самнер) рассматривали законы борьбы за существование, межвидовой борьбы и природного отбора в качестве главных социальных детерминант общественного развития, а причины возникновения социальных конфликтов сводили к биологическим факторам. Поддерживая идею натурализации социального, считали возможным применение в социологии принципов теории Ч.Дарвина, поставив на место организмов социальные группы. Указывая на место социального дарвинизма в истории социологической мысли, М.Захарченко и Э.Жлудько отмечают: “Его редуционизм сработал только там, где переплетались проблемы социального и природно-биологического. На этом “перекрестке” проблемы социальный дарвинизм внес свой рациональный вклад в социологию” [Захарченко, Жлудько, 1998а: с. 494].

Географическая школа в социологии (Г.Бокль, Л.Мечников, Ж.Реклю, Г.Маттеуцци) признавала решающее значение физической среды и природных условий для общественного развития. Приверженцы этого направления считали, что развитие человечества происходит по законам, аналогичным законам физического мира; выводили развитие сознания из географических и климатических условий, а экономические и политические изменения считали результатом накопления знаний. Для дальнейшего выделения экологической социологии в отдельную отрасль позитивным было различение со стороны Ж.Реклю “статической среды” (собственно природных условий) и “динамической среды” (социальных условий). Влияние последних с появлением общества постепенно возрастает, тогда как первых — наоборот, уменьшается. В общем, по мнению М.Захарченко и Э.Жлудько, “географически-детерминистские концепции в итоге освободили социологию от мистицизма и спекулятивности” [Захарченко, Жлудько, 1998b: с. 100].

Приведенные примеры из истории социологической мысли подтверждают тот факт, что интерес социологов к влиянию окружающей природной среды, влиянию биологического на человека и общество в целом оставался весьма ощутимым с момента возникновения этой научной дисциплины.

Однако это не мешает отдельным современным экосоциологам в своих работах утверждать, что развитие социологического подхода в исследовании экологических проблем сдерживают традиции именно классической социологии. В частности, основатели экологической социологии У.Кеттон и Р.Данлеп в целом придерживаются мнения, что классическая социология, представленная творческим наследием К.Маркса, Э.Дюркгейма и М.Вебера, негативно относится к развитию экологической социологической теории и соответствующих исследований. Наибольшее неодобрение у них вызывает антропологическое наследие теоретиков-классиков, в частности тот факт, что каждый из них акцентировал необходимость примата социологического объяснения социального феномена и отрицал потребность в привлечении анализа экологических переменных. В этой связи П.Кенан отмечает: “...признанные классики социологии Э.Дюркгейм и М.Вебер, а также К.Маркс совсем игнорируют физическую окружающую среду, рассматривая человеческое общество “вне” природы, и даже отделяют природу от человеческих существ” [Canan, 1996: p. 33].

Среди представителей социологии окружающей среды получило распространение мнение, согласно которому современную социологическую

теорию разрабатывали в условиях негласного табу на включение в анализ экологических переменных. У.Кеттон и Р.Данлеп на основе анализа западной социологической литературы пришли к выводу о существовании в традиционной социологии общей мировоззренческой доминанты, которую они определили как “господствующий западный взгляд на мир”. Этот взгляд является, собственно, антропоцентрическим, поскольку признает неоспоримое господство человечества над живой природой и неограниченные возможности использования ее ресурсов [Catton, Dunlap, 1980: p. 34].

С точки зрения Ф.Баттеля, в этих аргументах есть немалая доля истины, ведь “большинство современных представителей социологической науки крайне социализированы и предпочитают социологические объяснения, в основном благодаря методологическим подходам, предложенным Дюркгеймом”. Поэтому культура, свойственная современной профессии социолога, преимущественно унаследована от упомянутых теоретиков-классиков, отмечает Баттель, и “диктует почти спонтанную реакцию против проявлений разного рода биологизма” [Buttel, 1986: p. 338].

Впрочем, довольно острая критика У.Кеттоном и Р.Данлепом теоретического наследия признанных представителей социологической мысли не учитывает в достаточной мере как минимум двух моментов. Во-первых (далее это будет доказано), каждый из указанных теоретиков уделял значительное внимание разным аспектам окружающей природной среды. Во-вторых, они влияли на дальнейшее развитие социологической теории как собственными текстами, так и через вторичную интерпретацию их оригинальных трудов. Малозаметность “экосоциологических” взглядов указанных теоретиков, отмечает Э.Гидденс, не в последнюю очередь обусловлена тем, что отдельные социологи, особенно Талкотт Парсонс, часто представляли их работы англоязычной аудитории с интерпретациями, которые, как сейчас выяснилось, имели неточности и не соответствовали оригинальному содержанию [Giddens, 1984: p. XIV]. К тому же случалось, что англоязычная аудитория оказывалась недостаточно ознакомленной с теми работами, в которых упомянутые теоретики уделяли важное внимание именно экологической проблематике. Приводя такой пример, Баттель утверждает, что наиболее известными и влиятельными трудами М.Вебера в США были как раз те, где относительно мало говорится об экологических проблемах капиталистического индустриального производства [Buttel, 1986: p. 342–343]¹.

Весомость системы взглядов указанных теоретиков социологии состояла в том, что их наработки были отражением мощных течений биологического редукционизма, господствовавшего в те времена. Как отмечает Р.Мэек, большинству своих работ Маркс придавал форму “крестового похода” против своих интеллектуальных противников Мальтуса и Рикардо, и особенно против теории Мальтуса о неизбежности социальных коррекций, которые бы препятствовали геометрическому увеличению человеческой популяции на фоне арифметического увеличения средств к существованию. Дюркгейм, по утверждению К.Томпсона, хоть и частично соглашался с теми, кто характеризовал общество как организм, однако в работе “Общественное разделе-

¹ Здесь Баттель ссылается на работы “Протестантская этика и призрак капитализма” (1958); “От Макса Вебера” (1946); “Теория социальной и экономической организации” (1947).

ние труда” (1933) отрицал идеи социальной эволюции Спенсера и его сторонников, которые в то время подкреплялись аналогиями с дарвиновской эволюционной теорией. Дюркгейму тоже “стоило больших усилий подчеркнуть, что социология имеет совершенно другой предмет обсуждений, что социальные явления не могли объясняться ссылками на индивидуальные биологические факторы, каковыми являются, к примеру, раса или инстинкты” [Buttel, 1986: p. 339]. В свою очередь, Вебер наиболее активно обособлялся от эволюционных взглядов, прежде всего критикуя большинство взглядов Маркса в отношении экономического детерминизма и социальных изменений как направленных процессов, имеющих имманентное начало в общественных структурах.

По мнению Баттеля, “Маркс безусловно служит классическим примером инвайронментального социолога, вызывавшего самые острые дискуссии” [Buttel, 1986: p. 342].

Так, марксистские взгляды часто использовали те, кто предлагал лишить легитимности представителей неомальтузианства, к разряду которых зачисляли экологические движения и представителей зеленых, отстаивавших концепцию установления экологических пределов экономического роста. Вместе с тем критики Маркса из числа социологов окружающей среды отвергали его взгляды, опирающиеся на антропоцентризм и веру в производительные силы, развитие которых делает возможным технологическое решение экологических и ресурсных проблем. Однако очевидность антропоцентрических соображений Маркса не мешает резко критиковать их еще и экоцентристам. Р.Эккерсли, например, обвиняет его в слишком позитивном взгляде на индустриализацию и вере в экономический и социальный прогресс. Он считает, что Маркс рассматривал природу как существующую сугубо для удовлетворения потребностей человека, и утверждает, что, согласно Марксу, настоящая свобода человека заключается в его освобождении от внешней природы и ее ограничений. Люди должны “творить” ее, если хотят быть свободными. Но “создавать” или “очеловечивать” природу не обязательно означает физически подчинять ее, возражают Диккенс и Вентон. Это “создание” может заключаться в понимании ее свойств и качеств, а Московичи добавляет, что увеличение знаний о природе как бы преобразует ее [Jarvikovski, 1996: p. 73–76].

Одним из наиболее фундаментальных исследований отношения К.Маркса к экологической проблематике является книга под редакцией Говарда Парсонса “Маркс и Энгельс об экологии”, увидевшая свет в 1977 году. В этой работе творческое наследие Маркса и Энгельса проанализировано в контексте социальных и биологических взглядов середины XIX века, продемонстрирована важная роль тематики природных ресурсов в эволюции марксистской политической экономии.

Г.Парсонс отмечает, что материалистическое учение об обществе К.Маркса и Ф.Энгельса построено на натуралистических принципах позитивизма, согласно которым следует рассматривать социальные явления и факты так, как это принято в естественных науках с характерным для них причинно-следственным объяснением фактов [Parsons, 1977: p. 10–24]. К.Маркс заимствовал из современного ему естествознания термин “формация”, который в естественных науках означал определенные структуры, связанные единством условий образования, схожестью состава и взаимосвя-

висимостью элементов. Развитие общества рассматривается как естественнo-исторический процесс, который в такой же мере закономерен и объективен, как и природные процессы. Но в противовес последним, детерминированным стихийными силами природы, естественнo-исторический процесс — это результат человеческой деятельности.

Маркс доказал, что капиталистическое производство развивает технологию и объединяет разные процессы в социальное целое, истокая при этом первоисточники благосостояния — почву и рабочего. Кроме того, он рассматривал крупную индустрию и сельское хозяйство как главные причины экологических проблем. Но по мнению Г. Парсонса, Маркс и Энгельс переоценили скорость, с которой капиталистические производственные отношения и промышленное развитие приобретают глобальное распространение, и, наоборот, недооценили (отчасти объяснимую на фоне рассмотрения технологий XIX века) остроту экологических противоречий эпохи развитого капитализма [Parsons, 1977: p. 105–109].

Анализу отношения Маркса к взаимодействию природы и общества посвящена статья Т. Жарвиковски “Отношения природы и общества в работах Маркса и Дюркгейма”. В этой публикации показано, что для Маркса отношение человека к окружающей природной среде имеет не теоретическую, а практическую направленность. Люди являются частью природы, но как биологический вид они отличаются от всех остальных живых существ. Единение человека с природой, утверждает Маркс, всегда существует в промышленности в соответствии с уровнем ее развития, а также в меру “борьбы человека с природой”. Однако между человеком и природой существует определенный антагонизм, поскольку зависимость от природы ограничивает свободу человека. Природу как внешнюю и сдерживающую силу приходится преодолевать в процессе длительного преобразования [Jarvikovski, 1996: p. 76].

Для экологической социологии принципиальное значение имеет идея К. Маркса о том, что природа есть тело человека (см.: [Маркс, Энгельс, 1974: с. 92]). С точки зрения Р. Грундманна, Марксово определение природы как “неорганического тела” человека можно считать экологическим понятием. Поскольку, как отмечает сам Маркс, существуют два главных источника нашего благосостояния — земля и труд, то человек для достижения собственных успехов должен оздоравливать первый из этих элементов. К тому же следует иметь в виду, что для Маркса природа — не совсем социальная категория, как и общество — не категория природы [Jarvikovski, 1996: p. 77].

Жарвиковски полагает, что есть основания опровергнуть мысль, будто Маркс требовал тотального “завоевания природы”, и положить конец диспуту вокруг позиции Маркса по поводу взаимоотношений между природой и обществом. По его мнению, пресловутое пренебрежение “природой” исходит не столько из классической социологии, сколько из более поздней академической социологии. Понимание эволюции взглядов Маркса и Энгельса на взаимоотношения общества и окружающей природной среды, согласно выводу Г. Парсонса, может пригодиться экологическим социологам. Поппер считает, что именно Маркс и Энгельс были предтечей экологии человека, политической и социальной экологии.

Подобно Марксу, Э. Дюркгейм полностью не отрицал эволюционных взглядов. Его работа “Общественное разделение труда” содержит эволюци-

онные представления, согласно которым недифференцированные общества, которым присуще “механическое единство (солидарность)”, при определенных обстоятельствах эволюционируют в направлении современных обществ со сложным разделением труда и “органичным единством”. Однако, как считает Ф.Баттель, взгляды Дюркгейма дистанцировались от представлений Спенсера. Так, Дюркгейм не был сторонником развития теории глобальных социальных изменений и этапов эволюции, занимавшей ведущее место у Спенсера. Кроме того, он отвергал в качестве метода индивидуалистический подход, при котором индивид играет ведущую роль в эволюции и естественном отборе, поскольку разделение труда как социальный факт может быть объяснено социальными (надиндивидуальными) факторами [Buttel, 1986: p. 340].

Дюркгейм допускал, что общие характеристики человеческой природы участвуют в работе, результатом которой является общественная жизнь, но вместе с тем подчеркивал, что эти характеристики ее не обуславливают; причиной коллективных представлений являются условия, в которых находится социальная группа в целом.

Т.Жарвиковски считает, что Дюркгейм не имел своей целью отрицать значение биологических фактов, однако подчинил их социальным фактам в социологии, а главную задачу социолога усматривал в освещении разных аспектов человеческой среды.

Дюркгейм нечасто употреблял слово “природа” и не придавал особого значения этому термину. Он настаивал на принятии концепций “физическая среда” и “организм” (биологический организм человека) и одновременно отрицал дуалистический взгляд на общество и природу. “Даже если общество является специфической реальностью, это не империя внутри империи, это часть природы и ее высшее проявление. Эта социальная сфера является сферой природы, которая отличается от других всего лишь большей сложностью” [Jarvikovski, 1996: p. 79]. “Общество — это мощная комбинация физических и моральных сил, предлагаемая нам природой. Нигде больше невозможно найти такого богатства материалов, доведенных до такой степени концентрации” [Jarvikovski, 1996: p. 80]. Т.Жарвиковски замечает, что взгляды Дюркгейма на общество как часть природы и одновременно как “высшую” форму жизни не распространяются на критику изменений в природной среде, возникающих в результате деятельности человека.

В некоторых работах Дюркгейм опровергает объяснения, базирующиеся на физической среде. Он понимает, что физическая среда — внешние условия жизни человека, определенным образом влияющие на индивидов. Внешние условия могут быть благоприятными или неблагоприятными для специализации индивидов, но их недостаточно для ее определения. Дюркгейм приходит к выводу, что животное почти полностью зависит от физической среды, тогда как для людей социальные факторы важнее биологических или физических.

Дюркгейм не усматривает социальных проблем, связанных с изменением природы. Жарвиковски высказывает предположение, что причиной этого может быть вера Дюркгейма в потенциал науки и идея, согласно которой различные дисциплины занимаются собственными проблемами, поэтому нет оснований заниматься проблемами естествознания или технических наук.

Дюркгейм различает взгляды на природу цивилизованных людей и дикарей. Он утверждает, что культура создает инструменты, позволяющие увидеть природу. Речь идет о социальном или культурном создании природы. Но, как замечают М.Редклифф и Г.Вудгейт, если бы Дюркгейм был убежден в том, что природа создается только обществом, он рассматривал бы ее как социальный факт, который подлежит “объективным” социологическим исследованиям.

Как отмечает Жарвиковски, мысль о соотношении между социальным и физическим четче всего изложена в работах Дюркгейма, посвященных представлениям о культурном происхождении понятий, в которых он интерпретирует природу. Этот конструктивистский подход, убежден Жарвиковски, заметно повлиял на современную социологию окружающей среды.

Один из основателей экологической социологии, А.Шнайберг считает, что аналогичные этой отрасли социологии положения теории Дюркгейма оказали весомое влияние на ее развитие. Работа Дюркгейма “Общественное разделение труда” позже вдохновила появление в Чикаго “экологии человека”, хотя ранние представители этого направления Р.Парк и Э.Берджесс подчеркивали относительно незначительное влияние идей Дюркгейма на истоки экологии человека.

Согласно Шнайбергу, теория изменений, описанная в упомянутом труде Дюркгейма, уделяла значительное внимание роли, которую играли увеличение плотности населения, интенсификация борьбы за ограниченные ресурсы и другие факторы социальной морфологии как предшественники индустриализации и усложнения разделения труда. Сам Дюркгейм считал, что общественное разделение труда обусловило рост уровня адаптивности более многочисленных сообществ к своей окружающей природной среде за счет уменьшения прямой конкуренции в борьбе за ресурсы и благодаря культурным преобразованиям. Это позволяло эффективнее перераспределять и использовать ресурсы.

Среди современных представителей социологии окружающей среды бытует мнение о том, что Дюркгейм переоценивал роль индустриализации в решении проблем дефицита ресурсов. Такие позиции занимает Ф.Баттель, отметивший, что в дальнейших работах по проблемам социальной интеграции, политики и методологии Дюркгейм, собственно, не мог стать последовательным приверженцем взглядов на социальную морфологию, которые изложил в “Общественном разделении труда”. Согласно Баттелю, Дюркгейм “явно уделял внимание лишь одному компоненту “инвайронментальной социологической идеи” — тем механизмам, посредством которых физическая окружающая среда влияет на общество, — и в значительной мере игнорировал процессы, благодаря которым социальная структура влияет на физическую окружающую среду” [Buttel, 1986: p. 341].

Хотя экосоциологические взгляды Дюркгейма и имели значительные ограничения, его теоретические достижения, с чем согласно большинство американских экосоциологов, опосредовано повлияли на американскую инвайронментальную социологию главным образом благодаря упомянутой школе “экологии человека”. В свою очередь, Жарвиковски полагает, что Дюркгейм ощутил влияние на инвайронментальную социологию через антрополога М.Дугласа и его учеников.

В основе методологии М.Вебера лежит представление о принципиальной противоположности законов природы и общества и, соответственно, признание необходимости существования двух типов научного знания: естественных наук и гуманитарного знания. Социология является смежной наукой и потому должна заимствовать у естествознания и гуманитарных наук все лучшее: от первого — склонность к точным фактам и причинно-следственные объяснения, от вторых — метод понимания и отнесения к ценностям как процедуры отбора и организации эмпирического материала.

Анализируя научное наследие М.Вебера, представитель Баденской школы неокантианства Г.Риккерт признает, что Вебер в своей историко-социологической деятельности на практике преодолел формальное разделение всех видов человеческого познания по их логической структуре на “науки о природе” и “науки о культуре”.

По мнению Ф.Баттеля, “наиболее очевидная роль Вебера в диалоге столетия касательно биологии и общества заключалась в том, что он отрицал эволюционный подход к социальным изменениям. Аргументы Вебера, по сути, отражали взгляд на общество как на неустойчивый баланс сил, в котором априори ни одна из них не является определяющей” [Buttel, 1986: p. 340]. Направленность изменений, по Веберу, не была имманентной для социальных структур, она скорее определялась некой совокупностью исторических фактов, укорененных в индивидуальном поведении и исторической случайности.

Признавая, что названные науки имеют общую рациональную почву, Вебер вместе с тем подчеркивает их существенные отличия, касающиеся, в частности, термина “понимание”. С точки зрения Р.Арона, идея Вебера такова: в сфере феноменов природы объяснить наблюдаемые закономерности мы можем только при помощи математических по форме и характеру ссылок. Иными словами, нам нужно объяснить явления суждениями, которые подтверждаются опытом, чтобы чувствовать, что мы их понимаем. Понимание, таким образом, имеет опосредованный характер, оно достигается через понятия и связи. Что касается человеческого поведения, то оно представляет собой внешне явленную осмысленность, обусловленную тем фактом, что люди наделены разумом. Чаще всего осмысленные связи между действиями и целями, между поступками одного и поступками другого индивида воспринимаются непосредственно. Социальное поведение имеет осмысленное построение, которое наука о человеческой деятельности способна понять.

На основе анализа работ М.Вебера по аграрной социологии древних цивилизаций, его исследований по социологии религии и малоизвестных западным социологам исторических трудов, посвященных развитию западного капитализма (прежде всего “Общей истории экономики”), П.Вест доказал, что Вебер систематически развивал экологию человека. Эта концепция у Вебера, утверждает Вест, соответствует канонам общего исторического метода и базируется на том, что экологические факторы не выступают всеобъемлющими детерминантами, однако могут стать каузально весомыми в те или иные исторические моменты отдельных обществ. Вебер рассматривал экологические факторы как интерактивные компоненты сложных каузальных моделей, подчеркивая, что “экологические факторы часто влияли на сложные по структуре сообщества, облегчая “селективное выживание” отдельных социальных слоев по сравнению с другими”. Вест высказывает

сомнение по поводу влияния теории естественного отбора Дарвина на социологию Вебера, но считает, что его “экологическому анализу” свойственны сильные дарвиновские элементы — “эволюция”, основанная на “селективном выживании” в адаптации к специфическим местам проживания [Арон, 1993: с. 23; 27].

Краткий анализ идей признанных классиков социологии о соотношении социального и биологического свидетельствует о том, что развитие социальной теории от Маркса до Дюркгейма и Вебера обнаружило постепенное дистанцирование социальной структуры и социального прогресса от биологических аналогий. На мой взгляд, вполне очевидно, что социальная теория унаследовала то, что так огорчает представителей экологической социологии — социальная теория пыталась освободиться от учета биологических или экологических переменных, и именно в этом заключается главная причина негласного табу против биологических аргументов.

Хотя взгляды признанных классиков социологии имеют определенную антропологическую окраску и характеризуются скептическим отношением к биологии, их реальный вклад в развитие социологического подхода в изучении экологических проблем требует рассмотрения их теоретического наследия в историческом контексте. Именно учет реальных условий, в которых творили классики социологической науки, позволяет считать их взгляды прогрессивными в том смысле, что они отбросили слишком упрощенное видение отношений общества с окружающей средой и заложили фундамент более детального анализа этих отношений. Поэтому изучение явных и неявных экосоциологических фрагментов в творческом наследии классиков социологии может способствовать пониманию социально-природного дуализма человеческого бытия. Такой подход взят на вооружение современной экологической социологией и обсуждается в дебатах относительно правомерности использования классических традиций для ее развития.

История развития социологии окружающей среды в значительной мере связана с американской социально-экологической традицией. В первую очередь речь идет об экологизме (инвайронментализме), который в целом представляет общетеоретические и мировоззренческую ориентации, сфокусированные на взаимодействии социума со средой его проживания. Контекстом возникновения инвайронментализма стал дефицит свободных земель в середине XIX века в Америке, что ограничивало американскую демократию, которая рассматривала достаточные природные ресурсы как предпосылку социального развития. Столкнувшись с завершением экспансии и наступлением экологического кризиса, американское общество пришло к выводу о тесной связи между социальными и природными факторами. Это обусловило переход американского общества от аграрного к технологическому росту и урбанизации, а также переход от экстенсивного к интенсивному использованию природных ресурсов.

В новых социально-экономических и природных условиях формируются четыре основных социально-реформистских ориентации в отношении взаимодействия общества и природной окружающей среды. Наиболее мощная и традиционная ориентация — экономизм — отличалась оптимизмом и предложением решения экологических проблем без реформирования социальных отношений. Природная окружающая среда, с точки зрения приверженцев экономизма, существует для частного интереса и индивидуальной

инициативы, а удовлетворение интереса каждого является и удовлетворением общих интересов.

Среди главных направлений инвайронментализма, кроме названного экономизма, также выделяются консерватизм, охранительное движение и экологизм. Сторонники утилитаристского крыла консерватизма Б.Фернау и Дж.Пиншо вошли в состав администрации Т.Рузвельта в 1900 году и выступили с предложением реорганизовать социальные институты с целью рационального и продуктивного природопользования. Пиншо в своей работе “Борьба за консервацию” определил следующие основные принципы: обеспечение экономического роста; предотвращение нерациональных расходов в природопользовании и эгалитарное распределение природных благ.

Попытки примирить противоречия между частным бизнесом и правительством закончились предложением промежуточного варианта со стороны Дж.Пауэла. Он развивал идею опосредованного механизма управления природопользованием со стороны правительства на основе общего законодательства, конкретное применение положений которого на местах определяется предпринимателями, выделяющими средства на социальные реформы.

Охранительное движение (биоцентризм) выступало за сохранение дикой природы, обладающей собственной ценностью независимо от перспектив ее продуктивного использования. Биоцентристы были представлены в общественной организации клуб “Сьерра”¹; их взгляды основывались на романтических представлениях о природе. Они приносили социальное в природу и рассматривали инвайронментализм как определенный образ бытия и тип поведения, когда охрана природы и рациональное природопользование могут быть сугубо внешними проявлениями более глубоких мотивов и ценностных ориентаций.

Экологи были близки к академическим кругам и строили научную модель взаимодействия общества и природы. Они включали в экосистемы человеческие сообщества и усматривали назначение социальной системы в том, что она должна обеспечить оптимальное функционирование экосистемы и предотвращать ее кризисы и катастрофы. Экологи, сочетая черты биоцентризма с консервативным рационализмом, являли собой пример научно-экологического биоцентризма. В 1915 году экологи создали Американское экологическое общество, ставившее перед собой цель изучения закономерностей развития экосистемы, включая человеческие сообщества, и распространения этих знаний. Среди наиболее известных экологов называют Дж.Марша, Э.Иста, Э.Росса, Ф.Клементса, предложивших три основных социально-экологических идеи, которые не утратили значения и для современного инвайронментального теоретизирования. Так, А.Леопольд выдвинул идею экосистемного холизма, согласно которой разумным

¹ Создан в 1892 году группой университетских сотрудников. Поначалу ставил своей задачей охрану природы района Сьерра-Невады и сыграл значительную роль в создании Йосемитского национального парка. Первым президентом был натуралист Дж.Мьюр. Сегодня эта организация насчитывает около 650 тыс. членов, штаб-квартира находится в Сан-Франциско. Помимо традиционной информационно-просветительской деятельности занимается вопросами спорта и туризма. Имеет свои печатные издания: журнал “Sierra” и информационный бюллетень “National News Report”.

признавалось лишь то, что направлено на сохранение целостности, стабильности биологической общности, а неразумным — все, что приводит к противоположному. Ф.Клементс выделил ситуативность и предсказуемость взаимодействия социальных и биологических организаций, обуславливающего кульминационное состояние динамического равновесия как оптимальный результат эволюционного развития, нарушение которого может вызывать деградацию экосистемы.

Возможности объединения экосистемного гхолизма и индивидуализма — права индивида, сообщества на поступательное развитие рассматриваются в концепции моральной общности, которая расширяет сферу действия норм морали и других социальных институтов на нечеловеческие элементы общей экосистемы. Пресуппозиция такого сочетания обусловлена смещением экологистами понятий “симбиоз” и “образец поведения” и основывается на предположении, что они функционально равноценны. В результате этика становится экологической и представляется как сознательное ограничение свободы действий в борьбе за существование. Экологически оправданное социальное поведение представляет собой также создание социальных институтов для ограничения деятельности тех людей, которые не ориентированы на данный тип поведения.

Человек воспринимается как творец качественно новых типов среды и биотических общностей, поэтому человеческие индивиды наделяются таким правом на индивидуализм, которое нечеловеческие особи приобретают только на уровне вида. Это право основывается на человеческой способности разумно реагировать на изменения среды. Такой биотический функционализм, дополненный изменением роли человека в биотической моральной общности, в значительной мере препятствовал развитию концепции поглощения социума экосистемой. Социально-экологические концепции экологистов, не будучи собственно экологическими, определяли природный контекст социального развития.

Указанные идеи были восприняты и воспроизведены в классической социально-экологической концепции Чикагской школы социологии города (Р.Парк, Э.Берджесс, Р.МакКензи), которая в 20-х годах XX века положила начало направлению исследований, известному как “экология человека”¹. Под влиянием биоэкологии социальные экологи изучали роль факторов пространства в поведении сообществ. Объектом особого интереса стала связь между разного рода социальной патологией и пространственной и экономической организацией города.

Исходным пунктом в построении социально-экологической концепции послужило представление об обществе (общности) как организме, который кроме социального (культурного) уровня имеет биотический, лежащий в

¹ От англ. “human ecology”. В (пост)советской литературе встречаем два варианта перевода этого понятия: экология человека и социальная экология. Как отмечается во введении, автор отдает предпочтение первому варианту, учитывая уточнения перевода ряда англоязычных терминов, которые употребляют современные исследователи экологической проблематики в западной социологии. Тем не менее следует признать, что традиция отождествления представителей Чикагской школы с основателями социальной экологии продолжается в новейших публикациях большинства (пост)советских социологов.

основе всего социального развития и в конечном счете определяющий социальную организацию общества. Под углом зрения представителей этой школы, развитие и социализация “человеческой природы” происходят в континууме между биотическим и социальным уровнями. На макроуровне несублимированным проявлением биотической конкуренции выступает экологическая (пространственная) организация населения и институтов. Носителями экологического социума являются “социальные атомы”, имеющие схожую структуру биотического и социального уровней и наделенные “человеческой природой”. Обусловленная их биотической природой “конкурентоспособность” прежде всего проявляется в их физическом, пространственном взаимодействии и в миграции.

Ведущий представитель Чикагской школы Роберт Парк, опираясь на идеи Г.Спенсера и Ч.Кули, предложил оригинальный подход к изучению социальной системы, в рамках которого учитывалась специфика объекта анализа, а общество рассматривалось как элемент единого экологического комплекса.

Парк, имея в виду утверждение экологического подхода в обществоведении, предлагал схему анализа иерархии общественных отношений, в которой экологический порядок выступает природной почвой всех общественных отношений, ограничительным условием функционирования общества и условием его выживания. Он выделяет четыре фазы в процессе эволюции от биотического до социального уровня: экологический порядок, экономический, политический и культурный, и соответственно, четыре формы конкуренции: борьбу за выживание на биотическом уровне, конфликт, адаптацию и ассимиляцию как характерные формы социализации на каждой стадии эволюции. Территориальный (экологический) порядок — результат пространственного, физического взаимодействия индивидов как “социальных атомов”; экономический порядок — продукт торговли и обмена; политический — предполагающий более тесные связи и большее разнообразие их. На этом уровне конкуренция, будучи осознанной, выглядит как конфликт, контроль и регуляция которого осуществляются средствами политики с целью установления социальной солидарности. Наименее формальная, более тесная и многообразная разновидность взаимодействия осуществляется на культурном уровне [Park, 1955: p. 313].

Направленность развития экологического мышления в социологии начала XX века позволяет проследить отношение Парка к определению предмета экологии человека. В известной работе Р.Парка, Э.Берджесса и Р.МакКензи “Город” экология человека рассматривается как “исследование пространственных и временных отношений людей, обусловленных селективными, дистрибутивными и приспособительными силами среды. Экологию человека прежде всего интересует значение позиции во времени и пространстве ... пространственные отношения людей являются продуктами конкуренции и отбора, результатом процесса изменений, то есть включением факторов, способствующих конкуренции и мобильности либо ослабляющих их” [McKenzie, 1925: p. 64].

Р.МакКензи среди основных категорий экологии человека выделяет “экологическую организацию” (пространственная организация населения и институтов в локальном или большем по размеру обществе), “экологическое доминирование” (динамичный, функциональный аспект отношений в

пространстве безотносительно к его содержанию, которое Р. Парк усматривал в конкуренции), а также “экологическую последовательность” (временные изменения в экологическом сообществе, опять-таки, без малейшего отношения к их содержанию).

Экология человека, подчеркивает Р. МакКензи, прежде всего интересуется влиянием положения — как во времени, так и в пространстве — на человеческие институты и человеческое поведение. Слово “положение” используется для описания местонахождения конкретной общности по отношению к другим общностям, а также местоположения индивида или института — внутри самого сообщества [McKenzie, 1925: p. 63].

Пространственные отношения людей, отмечает Р. МакКензи, являются продуктом конкуренции и отбора, они постоянно пребывают в процессе изменений по мере того, как вовлекаются новые факторы, разрушая конкурентные отношения и стимулируя мобильность. Человеческие институты и сам человек приспосабливаются к определенным пространственным отношениям между людьми. Со сменой пространственных отношений соответствующие изменения затрагивают и физический базис социальных отношений, что, в свою очередь, вызывает социальные и политические проблемы.

Р. МакКензи выдвигает экологическую классификацию социальных общностей, предлагая четыре общих типа. Первой ступенью в процессе распределения конечного продукта потребления служит первичная обслуживающая общность (сельскохозяйственный поселок, рыболовецкая, лесопромышленная общность), численность которой полностью зависит от природных ресурсов и от формы утилизации соответствующей ресурсодобывающей промышленности в совокупности с протяженностью прилегающей торговой территории. Второй тип представляет собой общность, выполняющую вторичную функцию в процессе распределения продуктов: она собирает основные сырьевые материалы от первичных окружающих общностей и распределяет их на более широких мировых рынках. Индустриальный город относится к третьему типу общностей, в которой сосредоточено промышленное производство товаров. Этот тип может иметь локальную торговую территорию, а также быть распределительным центром для окружающих сельских районов. По мнению Р. МакКензи, не существует пределов роста промышленной общности, а его темпы зависят от масштабности и рыночной организации конкретных отраслей промышленности, которые должны были локализоваться в его пределах. И последний, четвертый тип представляет общность, которая не имеет особой экономической базы, обеспечивается из других частей мира и может не выполнять ни одной функции в производстве и распределении товаров (курорты, политические и образовательные центры, воинские группировки).

Говоря об определяющих экологических факторах подъема или упадка социальной общности, Р. МакКензи подчеркивает циклический характер развития общества. В соответствии с реальным состоянием природных ресурсов и уровнем развития искусств и ремесел, общность обычно увеличивается количественно и структурно вплоть до достижения точки соответствия популяции экономической основе (“точка кульминации”). Общность остается в состоянии равновесия между населением и ресурсами до тех пор, пока не появится какой-либо новый элемент, нарушающий status quo. Какой бы ни была инновация, выводящая общность из равновесия, замечает

Р.МакКензи, существует тенденция к новому циклу приспособления. Она может служить для сообщества “освобождением, обеспечивающим новый цикл роста и дифференциации, или же может оказывать сдерживающее влияние, принуждая к эмиграции и переприспособлению к более ограниченной базе” [McKenzie, 1925: p. 68].

Таким образом, представители Чикагской школы в социологии рассматривали социально-исторический процесс как динамичное поддержание равновесия общества и среды. Учет физических характеристик структурированной среды внес в исследования необходимую для социологов конкретность и четкость. Каждое соотношение теперь рассматривали с точки зрения равновесия всей системы.

Весомость возникновения экологии человека, как отмечает Е.Баразгова, многоаспектна. “В гносеологическом плане исследования экосистемы, ограниченное отраслями экологии растений и животных, является неполным и вследствие этого обманчивым в своих постулатах и выводах. В социально-практическом плане социальная экология обещает отразить законы и степень человеческой активности в среде. И наконец, в аксиологическом плане определяется содержание морально поддерживаемого отношения общества к среде, проявляются его (общества. — А.С.) конкретно-исторические характеристики” [Баразгова, 1997: с. 64].

В 1936 году Парк дает более точное определение предмета экологии человека. С его точки зрения, эта дисциплина является фундаментальной попыткой изучить (1) процессы, посредством которых биотический баланс и социальное равновесие поддерживают достигнутое состояние; (2) процессы перехода от одного состояния относительной стабильности к другому. То есть центральными проблемами “экологии человека” у Парка выступают проблемы равновесия и кризиса, особо актуальные для современного украинского общества, переживающего сложные времена социальной трансформации.

Если приоритетной сферой социологии являются универсальные социальные структуры, то экология, по мнению Парка и его последователей, — это учение, в определенной мере дополняющее и изменяющее традиционные идеи об обществе. Они изучали социальную систему как элемент глобальной экосистемы. Системное развитие экологии человека рассматривалось в качестве пути построения новой, современной науки об обществе. Представители Чикагской школы были убеждены, что объяснение законов социального взаимодействия кроется в мотивации поведения индивидов. Парк сконцентрировал свое внимание на процессах, происходящих в общности, — человеческой популяции — и убедительно доказал зависимость этих процессов от условий среды обитания и влияния их изменений. Таким образом, отмечает Е.Баразгова, “экологический принцип, привнесенный Парком в социологию, разрушал номиналистические ориентации и способствовал углублению системного взгляда на общество в его единстве с природой” [Баразгова, 1997: с. 69].

Анализируя проблемы поведения, Парк подходит к его экологическому обоснованию, полагая, что законы и направленность поведения определяются ситуацией единства популяции и среды. Популяция является динамичным элементом единства и находится в состоянии активного поиска путей приспособления к среде. При этом приспособление имеет разные формы, оставаясь средством поддержания равновесия со средой.

Однако отношения популяции растительного или животного царства и человеческого общества к среде обитания характеризуются лишь относительным внешним сходством и одновременно сущностным отличием. Если популяции растений и животных способны сугубо к приспособлению к среде, то общества продуцируют средства своего существования, используя необходимые природные ресурсы. Поэтому человеческое сообщество не может игнорировать собственной вовлеченности в экосистему, и в этом плане производство следует рассматривать как особую форму приспособления. Но поскольку в социальной системе конкуренция объективно имеет собственные механизмы, то, как справедливо подчеркивает Е. Баразгова, “рассмотрение естественного отбора как прародителя социальной конкуренции не только не помогает понять эти механизмы, но значительно усложняет их изучение” [Баразгова, 1997: с. 73].

Первые представители Чикагской школы социологии города использовали методы, адекватные в социально-экологических исследованиях (зонирование, социальное картографирование), для выявления и проверки плотности связи между разными социальными переменными. Они фокусировали внимание “исключительно на урбанистических пространственных структурах в странах типа Соединенных Штатов, которые уже были индустриальными” [Buttel, 1986: p. 342]. Разнообразные картины конфигурации и локализации разных социальных агрегатов, полученные комбинированием социальных переменных с пространственными, были наиболее весомым вкладом экологического метода в эмпирическую социологию, а концепция экологии человека Р. Парка получила продолжение в современной социальной экологии и экологической социологии. Однако причинные связи социальных организмов со средой обитания и жизнеобеспечения остались на втором плане.

С середины 1930-х годов абстрактность пространственно-временного функционализма Чикагской школы социологии города вызывает критику представителей социокультурной школы (М. Алихан), которые обращают внимание на зависимость поселенческих структур и характера природопользования от культурной детерминанты. Вместе с тем, как отмечает С. Баньковская в фундаментальной монографии “Инвайронментальная социология” (1991), “в социологии города на основе экологического подхода начинается разработка методологии анализа социальной сферы, исходя из выделения трех основных переменных — социального положения (социоэкономический статус), уровня урбанизации и сегрегации — для описания подсистемы города с использованием данных переписи” [Баньковская, 1991: с. 31].

Классификация этих подсистем в соответствии с тремя названными факторами на основе переписей позволяла получить независимые переменные для изучения зависимой — социальной организации. Этот подход имел целью снять акцент с локальности и принадлежности к физической среде, здесь нет и намек на физические (природные) зоны и их связь с социальными процессами; социальное пространство ограничивается и формируется комбинациями исключительно социальных переменных.

После Чикагской школы социально-экологическую концепцию использовали главным образом в качестве метода, и она не получила развития как самостоятельная дисциплина. Попытки переосмысления социально-экологической теории были направлены на социологизацию и преодоление

последователями Парка биосоциального дуализма его концепции. Так, Л. Вирт сконструировал социологическую теорию городской жизни, лишённую эклектики классической концепции Парка, которая допускала возможность разнообразных интерпретаций процессов городской среды. Взаимодействие становится основной характеристикой социальных процессов и рассматривается как движущая сила развития локального сообщества. Однако отход от начальной социально-экологической концепции уравновешивался тем, что источником интенсификации коммуникаций выступает скопление множества людей на ограниченной территории. Пространственный аспект начал доминировать в характеристике среды, а социальную экологию ее теории стали воспринимать как науку о пространственно-временном измерении социума.

Социально-экологические методы (зонирование и социальное картографирование) использовались для установления и проверки плотности связи между различными социальными переменными. Разнообразные картины конфигураций и локализаций множества социальных агрегатов, полученных комбинированием социальных переменных с пространственными ориентирами, были основным вкладом экологического метода в эмпирическую социологию. Но причинные связи социальных организмов со средой их жизни и жизнеобеспечения остались на втором плане в формально-функциональном варианте социальной экологии.

Экосоциологический компонент ранних представителей Чикагской школы оставался латентным до тех пор, пока А. Хоули не опубликовал трактат “Экология человека” (1950). Этим было положено начало реализации задачи (которую позже завершил Л. Шноре) по внедрению экологии человека в социальную морфологию Дюркгейма. Однако, как отмечает Баттель, “в 1950-х годах экология человека была дискредитирована и вытеснена функционализмом Парсонса” [Buttel, 1986: р. 342]. Попытки Л. Шноре и О. Дункана реабилитировать в 1960-х годах экологию человека в рамках социологии окружающей среды были проигнорированы как представителями экологии человека, так и собственно большинством социологов.

Общность воспринимается уже не столько как глубоко биологический феномен, организм и носитель субсоциальных сил, сколько как функциональная единица, способная к взаимодействию с природной средой, в ходе которого и образуется ее главная социальная характеристика — социальная организация. Социальный атомизм Парка сменяется организационным функционализмом, внимание концентрируется скорее на процессе функционирования социальной организации, нежели на движущих силах и причинах этого процесса или пространственных формах его проявления. А. Хоули определяет сообщество как территориально-локальную систему (экосистему) взаимосвязей между функционально дифференцированными частями. По его мнению, экология человека связана с общей проблемой организации, которая рассматривается как атрибут популяции. Сообщество интегрируется в единое целое общими реакциями на среду и на действия других сообществ. В свою очередь, среда предстает как нечто внешнее, обеспечивающее жизнеспособность популяции и одновременно угрожающее равновесию социальной организации. Структуру экологического процесса, основанную на функциональном единстве сообщества и среды, следует представлять как механизм функционирования экосистемы.

В 1960-х годах появилась разработанная О.Дунканом и Л.Шноре теория “экологического комплекса”, которая описывала этот механизм. Эта концепция, тоже базирующаяся на экологическом подходе, разрабатывала такое понятие общей экологии, как экосистема, и приспособлявала его к человеческому обществу, предлагая модель экологического комплекса. Его составляющими являются популяция (population), среда (environment), технология (technology) и организация (organization), сокращенно РОЕТ, причем каждый элемент находится во взаимосвязи с остальными. Поскольку в этой модели человек не выступает в роли одного из видов экосистемы, а является единственным видом, то к категории среды относят множество других аспектов экосистемы. Изменения в одном комплексе в результате взаимосвязей между элементами приводят к изменению во всем комплексе [Duncan, Schnore, 1969].

Аналогичную структуру социально-экологического процесса предлагал и Р.Парк, когда рассматривал его в социобиотическом континууме: человеческое общество, согласно Парку, образуют население (population) и культура, которая, в свою очередь, образуется из артефактов и технологических средств (technology), а также “тела обычаев, верований”, культуры как “согласия”, контроля, организации (organization); и все это взаимодействует со средой (environment) [Парк, 1999: с. 399].

Но если Парка в процессе взаимодействия интересует “движение населения и артефактов” во времени и пространстве к биотическому и социальному равновесию, то О.Дункан и Л.Шноре концентрируют внимание на функционировании одного, центрального фактора в комплексе — на социальной организации. В меньшей мере их интересуют движущие силы (субсоциальные) или формы проявления (пространственные) функционирования социальной организации.

Специфически социологическим подходом к изучению социальной организации Дункан и Шноре считали функционализм экологии человека, где социальная организация представляла в анализе как зависимая переменная, которую изучают в соотношении с тремя другими компонентами комплекса как независимыми переменными. Вместе с тем они считали невозможным объяснение процесса социальных изменений на основе культурологического подхода, в котором нет места географии, а также бихевиористского, неприемлемого на макроуровне.

Особенность каждого из трех упомянутых подходов, как отмечает С.Баньковская, определяется характером аналитических единиц, обуславливающих определенный контекст объяснения. Так, “если культурологическое объяснение связано с “культурными признаками” (язык, символика, нормы, обычаи и т.п.) и ассоциируется с нормативным аспектом интеграции социальной организации, выступая условием функционирования организации, то социально-психологический (бихевиористский) вариант объяснения, которое оперирует “системами личности”, “типами характера”, “межличностным взаимодействием”, обеспечивает средства этого процесса” [Баньковская, 1991: с. 33].

О.Дункан и Л.Шнор считают, что “логика экологической теории заставляет аналитика рассматривать разные виды деятельности как качества агрегатов или популяций. Ссылка на взаимозависимость этих видов активности — основная характеристика экологического подхода и одновременно свой-

ственного ему социологического характера” [Duncan, Schnore, 1969: p. 133]. Специфика экологического подхода предполагает, исходя из функционально-процессуального анализа, еще и ситуативность, постоянную изменчивость социальной организации, которая в полной мере не определяется ни нормативными условиями, ни социально-психологическими установками.

Социальная организация в “экологическом комплексе” — результат спонтанного взаимодействия со средой в процессе ее освоения и приспособления к ней. Социальная организация как совокупность определенных функций, обеспечивающих приспособление популяции к среде, находится в конкретных пространственно-временных рамках и дает представление об экологической организации — “экологической нише” сообщества.

Таким образом, резюмирует С.Баньковская, “хотя предмет социальной экологии и не ограничивается территориальной локализацией социальной активности, значение пространственных отношений остается важным в социальной экологии, поскольку локализация сообщества характеризует его как единое целое, определяет сферу действия организационной “функциональной ниши” и рамки ее действия, позволяя тем самым установить определенную инвариантную систему точек отсчета для рассмотрения процесса социальной организации” [Баньковская, 1991: с. 34].

Функциональный вариант экологии человека А.Хоули и “экологический комплекс” О.Дункана и Л.Шноре повлияли на дальнейшее развитие социологического подхода в изучении экологических проблем. Отстаивая дисциплинарную самостоятельность социальной экологии в рамках социологии, они вместе с тем во многом содействовали ее “социологизации”, подчеркивая весомость социальной среды, функциональное единство культурного, социального и личностного уровней социальной организации. При этом социально-экологический подход сохранил эволюционную, натуралистическую направленность, используя в своих построениях аналогии из экологии животных и растений, но в меньшей степени, чем ранняя социальная экология, обращаясь к понятию “человеческая природа”.

Функционализм экологии человека делает возможным детальное описание социальных организаций, и поскольку причины их развития и изменений остаются снаружи, в среде, наделенной только одной функцией — пространственного размещения социальной организации, то причинные связи между компонентами комплекса не были установлены. “Экологический комплекс” остался скорее средством описания, чем объяснения взаимосвязей социально-экологического процесса. Понятие “среда” не имело качественной определенности и воспринималось как совокупность ограниченных условий, которые могут быть сокращены или расширены в зависимости от господствующих в этой популяции технологий и средств организации.

Нынешние сторонники экологии человека моделируют систему отношений между человеческим сообществом и природной средой на основе идей глубинной экологии, начало которой было положено в 1978 году А.Нассом, Д.Мейси, Б.Диваном и др. Они считали, что современное человечество нуждается в радикальном пересмотре своего отношения к природе, изменении ценностных приоритетов и практических ориентиров. Сущность взглядов современных представителей социальной экологии передает центральное понятие (социо)экосистемы, в структуре которой они выделяют природную (живую и неживую) и социально-экономическую подсистемы.

Оптимальным соотношением этих подсистем является состояние динамического равновесия, поэтому гипертрофированное развитие одной из подсистем может привести к разрушению всей социозэкосистемы.

Традиция употребления термина “социальная экология” для названия отрасли социологии зародилась на Всемирном конгрессе социологов в Варне (1970), где за социальной экологией был признан статус самостоятельной отрасли науки. Социальная экология определялась как социологическая дисциплина, исходя из широкого понимания западными учеными социологии как науки об обществе. Однако в конце 1980-х годов социологический подход в изучении экологических проблем в западной социологии получил название социологии окружающей среды, которое утвердилось под влиянием серии докладов Римского Клуба и соответствующих идей комиссии ООН по проблемам среды и развития (“Наше общее будущее”)¹.

Что касается советской науки, то о социальной экологии как самостоятельном научном направлении активно заговорили в 1980-е годы, когда ее организационные основания были оформлены на I Всесоюзной конференции (Львов, 1986). В (пост)советской науке под социальной экологией обычно понимают отрасль знаний, изучающую взаимоотношения человека как социального существа с природой (Э.Гирусов, Ю.Марков, Г.Бачинский и др.).

В современной постсоветской науке ряд исследователей выделяют интегральную междисциплинарную сущность социальной экологии. Так, О.Салтовский справедливо замечает, что социальная экология — это “интегральная наука, изучающая основные законы и закономерности взаимодействия общества и природы с целью оптимизации и гармонизации их взаимодействия” [Салтовский, 1998: с. 148]. Объектом социальной экологии выступают взаимосвязи между обществом и природой, а предметом — основные законы и закономерности взаимодействия социозэкосистемы.

Наряду с этим в некоторых социологических справочных изданиях термин “социальная экология” имеет другую содержательную нагрузку.

В частности, А.Налетова рассматривает социальную экологию как отрасль социологии, полагая, что предмет этой науки должен охватывать “изучение изменений в культуре (духовной и материализованной), в целом в духовной сфере жизнедеятельности общества под влиянием окружающей среды и обратного влияния на среду” [Энциклопедический социологический словарь, 1995: с. 897]. Весьма распространенное толкование социальной экологии как межотраслевой науки, как своеобразного “территориального комплекса” отраслевых дисциплин, по мнению А.Налетовой, ограничивает предмет этой науки для социологических методов изучения природоохранных проблем. Она придерживается точки зрения, что подобного рода толкования социальной экологии сводят ее к разработке научно обоснованных рекомендаций по рациональному природопользованию и природоохранной деятельности.

На мой взгляд, такое истолкование предмета социальной экологии скорее сближает ее с экологической этикой как средством социальной регуля-

¹ Баттель считает, что в США инвайронментальная социология как самостоятельная отрасль социологии возникла раньше, а точнее сразу после массовых выступлений в защиту окружающей среды в конце 1960-х — в начале 1970-х годов.

ции поведения людей по отношению к окружающей среде, нежели с экологической социологией.

В многоязычном социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.Осипова авторы издания под социальной экологией понимают “отрасль социологии, изучающую закономерности и формы взаимодействия общества со средой общения, многообразии связей социальных изменений с изменениями в жизнеобеспечивающих материальных предпосылках социальных процессов” [Социологический энциклопедический словарь, 1998: с. 417]. В этом случае объект социальной экологии включает новый компонент — социальная окружающая среда (“среда общения”).

Таким образом, несмотря на распространенную в (пост)советской науке традицию истолкования социальной экологии как интегративной науки, существуют различия в понимании ее объекта и предмета, а значит и понимания ее как социальной или социологической науки.

Если в западной социологии размежевание по линии “социальная экология — социология окружающей среды” прослеживается довольно четко, то применительно к постсоветской мы можем говорить лишь о пролонгации начального этапа институционализации социологии окружающей среды. Что касается отечественной социологии, то безусловно позитивным шагом являются создание в рамках Социологической ассоциации Украины исследовательского комитета по вопросам экологической социологии, а также разработка специальных учебных курсов по экологической проблематике в отдельных вузах. Но мы окончательно отстали от своих европейских и американских коллег, если говорить об исследовательской тематике в этой сфере социологического знания.

Поскольку социальный контекст и теоретические истоки социологии окружающей среды на Западе и в бывшем СССР качественно отличаются, целесообразно отдельно остановиться на процессе институционализации западной и (пост)советской социологии окружающей среды.

Хотя до 70-х годов прошлого века внимание социологов к проблемам природных ресурсов было довольно разрозненным, именно в этом десятилетии появилась на свет социология окружающей среды. Сначала социологи пытались уделять больше внимания тому, как общество реагирует на экологические проблемы, нежели самим этим проблемам. Подобно изучению отношения общества к экологическим проблемам весьма популярным был анализ экологических движений. При этом к основным темам относились идентификация социальной среды, из которой выходили экологические активисты, а также социальная база слоев населения с проэкологическими взглядами. Определенное внимание уделялось также углубленному анализу превращения проблем природной окружающей среды в социальные проблемы и роли экологических активистов и масс-медиа в этом процессе. Кроме того, американские социологи села провели важную работу по изучению деятельности агентств природных ресурсов. В целом в социологических исследованиях по экологической проблематике обычно использовались научные концепции классической социологии для освещения степени осознания обществом экологических проблем и его реакции на эти проблемы. В этих начальных исследованиях в значительной мере воплотился анализ аспектов “социальной конструкции экологических проблем”, и они пред-

ставляли собой, по словам Р.Данлепа и У.Кеттона, “социологию экологических проблем” [Dunlap, Catton, 1979].

Большинство ранних работ, которые внесли заметный вклад в становление современной западной социологии окружающей среды, были выполнены социологами, которые занимались проблемами сельского населения или работали в смежных сферах (в частности, исследователями вопросов жизнедеятельности общностей). Краткий перечень первопроходцев в сфере экологической социологии 1960-х — начала 1970-х годов включает такие имена, как Д.Моррисон, Д.Филд, Р.Бедж, С.Альберт и В.Эндрюс. Но если шире трактовать социологию села, то среди тех, кто прокладывал путь в этом направлении, были также У.Берч, У.Кеттон, Р.Данлеп, А.Шнайберг, Р.Гейл и У.Файри, круг интересов которых охватывал социологические проблемы сельского населения.

По мере того как социологи все больше занимались экологической проблематикой, некоторые из них перешли от изучения общественного мнения по экологическим проблемам к исследованию фундаментальных взаимоотношений между современными индустриальными обществами и физической средой их обитания. Выяснение причин загрязнения природной окружающей среды дополнялось изучением того, как влияет на общество это загрязнение и нехватка природных ресурсов. В некоторых случаях внимание явно уделялось выявлению взаимосвязей между общностями и их природной окружающей средой, или, иными словами, “экосистемной зависимости” современных общностей [Dunlap, Catton, 19994]. Эта зависимость получила подтверждение в период энергетического кризиса 1973–1974 годов, когда приостановка поступлений нефти из арабских стран привела к драматическим последствиям. Социологи быстро отреагировали многочисленными исследованиями на эту ситуацию и в частности на несправедливое распределение негативных последствий дефицита энергии [Schnaiberg, 1975: p. 5–20].

Интерес социологов к последствиям дефицита энергетических и других природных ресурсов ускорил выделение социологии окружающей среды как дисциплины и тем самым доказал, что окружающая природная среда — это больше чем просто еще одна социальная проблема и что состояние природной окружающей среды может иметь серьезные социальные последствия. Таким образом, работы по изучению влияния нехватки природного топлива на человеческие сообщества способствовали *переходу от раннего этапа “социологии экологических проблем” к самодостаточной “социологии окружающей среды”, сфокусированной непосредственно на изучении социально-экологических отношений*. В ретроспективе, однако, становится очевидным, что взгляд на эти отношения был довольно односторонним, поскольку в этом случае проблема влияния ресурсного дефицита на общество вызывала значительно больше внимания, чем влияние человека на природную окружающую среду. Этот дисбаланс в определенной мере компенсировался в более поздних исследованиях, посвященных причинам деградации окружающей природной среды.

Главная задача социологии окружающей среды заключалась в том, чтобы наверстать упущенное, снять покров с “материальности” общественной системы и общественной жизни и обеспечить возможность решать экологические проблемы. Согласно Баттелю, центральная идея социологии окружающей среды состоит в “концептуализации социально-экологических от-

ношений в плане биологического дуализма человека как вида” [Buttel, 1986: р. 343].

Социология окружающей среды опирается на признание материальных оснований общественной системы и общественной жизни. При этом понятие “материальности”, замечает Баттель, трактуется весьма широко, поскольку общественная жизнь тесно связана с биофизическими явлениями и процессами (ресурсы, климат и т.п.), и наоборот, эти биофизические процессы сдерживают общественную практику социологически значимыми способами. Такое понимание “материальности” дает ей свое определение, однако не заменяет другие современные интерпретации материализма (например, исторический материализм).

Новая социологическая субдисциплина, по мнению Р.Данлепа и У.Кеттона, “приступила к работе над “социальной экологией” — давно известной отраслью социологии, которую позже свели к традиционным представлениям, и вернулась к отражению взаимодействия социума с физической средой” [Dunlap, Catton, 1979b: р. 57].

В 1977 году на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации Р.Данлеп и К. Ван Лидере впервые заявили о методологическом характере социологии окружающей среды и систематизировали первые результаты исследований в рамках новой экологической парадигмы.

Западная социология окружающей среды в значительной мере возникла как результат объединения нескольких отраслей исследований. Кроме уже упомянутой экологии человека Чикагской школы, Ф.Баттель выделяет еще три ее источника [Buttel, 1996: р. 59]. Первым источником ее развития в начале 1970-х годов стала социология природных ресурсов. Большинство исследователей в этой отрасли сосредоточили свое внимание на изучении ресурсозависимых общностей, каковыми являются сельские общины и группы населения, занимающиеся исключительно лесозаготовкой или рыболовством. Социологический анализ ресурсозависимых сообществ стал вторым источником современной экологической социологии. Третьим источником современной экологической социологии были традиционные исследования общественных движений, среди которых отдельные исследователи начали выделять движение в защиту окружающей среды. Так, одной из первых научных антологий по социологии окружающей среды и ресурсной социологии стала книга “Социальное поведение, природные ресурсы и окружающая среда” [Burch, Cheek, Taylor, 1972], посвященная исследованиям общественных движений, коллективного поведения и общественного мнения по проблемам инвайронментализма¹, а также проблем сохранения и распределения ресурсов. Хотя сфера общественных движений не связана по своим истокам с социологией села, авторами большинства фундаментальных трудов, посвящен-

¹ Этот термин в современной литературе имеет два основных значения. Во-первых, инвайронментализм понимают как “общетеоретическую и мировоззренческую ориентацию, в центре внимания которой находится взаимодействие общества и социальных образований со средой обитания”. А во-вторых, инвайронментализм рассматривается как “социальное движение за качество среды обитания, видящее назначение социальной системы в том, чтобы обеспечивать оптимальное функционирование экосистемы и предотвращать нарушения экологических процессов” (см.: [Социологический энциклопедический словарь, 1998: с. 99]).

ных анализу движений в защиту окружающей среды, были именно те социологи, которые изучали проблемы сельского населения.

С точки зрения Баттеля, представители социологии села оказались более подготовленными по сравнению с другими социологами к восприятию того, что общественная система и общественная жизнь “имеют критические материальные и биофизические диапазоны измерения” [Buttler, 1996: p. 60]. Ф.Баттель объясняет это тем, что большинство изучаемых ими явлений, в частности сохранение и распределение ресурсов, добыча полезных ископаемых, возникновение технологий и их социальные последствия, являются в значительной мере материальными и/или биофизическими явлениями.

Предпосылки становления социологии окружающей среды в (пост)советском пространстве качественно отличаются от социального контекста ее развития в индустриально развитых странах Запада. О.Яницкий выделяет следующие особенности этого процесса [Яницкий, 1993: с. 76–77]:

- неудовлетворительное информационное обеспечение ученых из-за закрытости или отсутствия соответствующей информации;
- отсутствие адекватной рефлексии общества по поводу ресурсозатратного типа экономического развития;
- отсутствие у значительной части граждан бывшего Советского Союза чувства национальной и территориальной идентичности и, как результат, возникновение установок безответственности (по выражению О.Яницкого, идеология и политика “ликвидации корней”);
- догматическое доминирование общественных наук над естественными позволяло историческому материализму как официальной общесоциологической теории трактовать социальные факты как первичные, а природные предпосылки общественной деятельности — как сугубо второстепенные;
- незавершенность институционализации научного социологического сообщества.

В бывшем СССР социология окружающей среды развивалась в первую очередь как субдисциплина социологии города, а также социальной психологии применительно к поведению людей в городской среде [Яницкий, 1988]. Затем к изучению экологических проблем приобщились социологи, которые изучали массовые коммуникации и общественное мнение [Лауристин, 1987]. Еще одним источником формирования советской экологической социологии послужила “непрофессиональная социология” — социологические концепции и эмпирические исследования специалистов по естественным наукам, прежде всего экологов и биологов.

Концептуальное ядро новой социологической субдисциплины формировалось в СССР фактически за пределами социологии. Непризнание за социологией статуса самостоятельной дисциплины обуславливало обсуждение социальных проблем взаимоотношений общества и природы в рамках других наук. Одной из отличительных черт социологии окружающей среды советского периода стала ее концептуальная аксиологичность. Здесь следует вспомнить специалистов в сфере системного анализа, выдвинувших концепцию “коэволюции”, которая предполагает изучение условий, при которых изменение характеристик биосферы будет идти в направлении обеспечения гомеостаза вида *homo sapiens*, или концепцию “предела роста” с ак-

центром на ограничении “несущей способности биосферы” или на исторической ограниченности капиталистического способа производства.

Таким образом, социология окружающей среды советского периода имеет весьма противоречивые достижения: антропоцентризм здесь сосуществует с биосфероцентризмом, эволюционный подход — с идеями глобального управления, принцип охраны природы — с принципом ее “конструирования”. При этом ни одна из упомянутых социально-экологических концепций не сопоставляет свои теоретические построения с реальными социальными процессами.

В (пост)советской социологии в исследовании экологической проблематики особое внимание привлекают вопросы структурно-функциональной организации, экологического и социологического анализа такой сложной системы, как “общество–природа”, поскольку ее структура и функциональная сущность, особенности развития и саморегуляция интерпретируются по-разному. Противоречивость методологических подходов распространяется и на трактовку самого предмета исследования, и на определение названия самой научной дисциплины, исследующей проблемы взаимоотношений человека/общества с окружающей природной средой.

Недостаточное внимание к экологической проблематике в украинской социологии определяется тем политическим и культурным контекстом, в котором продуцируется социально-экологическое знание. В нашем случае прежде всего речь идет об отсутствии экологических проблем в ряду национальных приоритетов и малозаметность движения за экологическую справедливость — за относительно равномерное распределение экологических рисков среди всех слоев населения.

Уже на начальных этапах социология окружающей среды 1970-х годов быстро институционализировалась благодаря созданию групп по интересам в рамках национальных социологических ассоциаций, которые образовали организационную базу для возникновения экологической специализации социологического знания. Эти группы объединили ученых, в сферу научных интересов которых входили все аспекты, связанные с физической окружающей средой — от экологических движений до вопросов энергетических и других природных ресурсов, природных катаклизмов, аварий, оценок влияния природной окружающей среды на общество, экологических аспектов жилищного и промышленного строительства. Конец 1970-х годов стал эрой расцвета американской социологии окружающей среды, а интерес социологов к экологической проблематике начал распространяться по всему миру, и в течение 1980–1990-х годов социология окружающей среды не только получила новый толчок в США, но и институционализировалась на мировом уровне в рамках Международной социологической ассоциации (МСА)¹.

Возрождению социологии окружающей среды в США после ее упадка в период правления Рейгана в 1980-х годах и распространению по всему миру значительно способствовал ряд общественно значимых событий. Широкое

¹ Исследовательский комитет под номером 24 “Окружающая среда и общество” (“Environment and Society”) был создан в рамках МСА еще в 1971 году.

освещение ситуации вокруг Канала Любви¹ и других мест локальных экологических угроз стимулировало интерес общественности к последствиям этих угроз для условий проживания местных общин. Масштабные экологические катастрофы, такие как взрыв на химическом заводе Бхопал в Индии и авария на Чернобыльской атомной станции в Украине, еще больше драматизировали опасность новых технологий и технологических рисков, возникающих перед современным человечеством.

Если взглянуть на тридцать лет существования социологии окружающей среды, то определенные тенденции очевидны. Во-первых, социологические исследования взаимосвязи общества и природы институционализировались как часть социологии окружающей среды, включая специальные периодические издания и профессиональные ассоциации. Во-вторых, как свидетельствует рассмотрение современных теоретических обзоров [Redclift, Woodgate, 1977], теоретическое разнообразие среди самоидентифицируемых социологов окружающей среды со временем растет. Действительно, вариативность теорий в социологии окружающей среды близка к разнообразию теоретических традиций в общей социологии: марксистская, дюркгеймовская, веберовская, мир-системная, социально-конструктивистская. В-третьих, предмет социально-экологического исследования всегда междисциплинарный, поскольку его объектом являются социобиотехнические системы. В-четвертых, развитие теории в социологии окружающей среды происходило в процессе “позеленения” предыдущих теорий. Иными словами, ядро каждой из ранее известных социологических теорий не претерпело существенных изменений. Модификация была достигнута за счет расширения поля социологического теоретизирования, то есть интегрирования ранее игнорируемых вещей (отношений) в материю имеющихся теорий. Однако основная ориентация социологических теорий на использование подхода социального конструктивизма осталась неизменной.

Литература

- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М., 1993.
- Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. — Рига, 1991.
- Барзгова Е.С. Американская социология (традиция и современность). — Екатеринбург, 1997.
- Захарченко М.В., Жлудько Е.М. Географічний напрям у соціології // Соціологія: короткий енциклопедичний словник. — К., 19987. — С. 98–100.
- Захарченко М.В., Жлудько Е.М. Соціальний дарвінізм // Соціологія: короткий енциклопедичний словник. — К., 1998а. — С. 493–494.
- Катерный И.В. Экологическая перспектива в социологии: за и против // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. — 2004. — № 2. — С. 78–86.
- Ковалевский М.М. Сочинения : В 2-х т. Т.1. Социология. — СПб., 1997.
- Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. — М., 1998.

¹ Канал Любви (Love Canal) расположен неподалеку от Ниагарского водопада. Оказался в центре внимания общественности после того, как стало известно о 21 тысяче тонн токсичных отходов, сброшенных в канал химическим заводом Хукер (Hooker Chemical).

- Лауристин М.* Парадигматический подход к исследованию экологического сознания // Массовая коммуникация и охрана среды.— Таллинн, 1987. — С. 7–16.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М., 1974. — Т. 42.
- Парк Р.* Экология человека // Теория общества. Фундаментальные проблемы. — М., 1999.— С. 384–400.
- Салтовский О.И.* Экологія соціальна // Соціологія: короткий енциклопедичний словник. — К., 1998.— С. 148–150.
- Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.Осипова. — М., 1998.
- Энциклопедический социологический словарь. — М., 1995.
- Яницкий О.Н.* Экологическая перспектива города. — М., 1987.
- Яницкий О.Н.* Экологическое сознание и городская культура // Общественные науки.— 1988.— № 1.— С.104–117.
- Яницкий О.Н.* Энвайронментальная социология вчера и сегодня // Общественные науки и современность. — 1993. — № 1. — С. 76–91.
- Bock K.* Theories of Progress, Development, Evolution // Bottmore T., Nisbet R. (eds.) A History of Sociological Analysis. — N.Y., 1978. — P. 39–79.
- Burch W., Cheek N., Taylor L.* (eds.) Social Behavior, Natural Resources and the Environment. — N.Y., 1972.
- Buttel F.H.* Environmental and Resource Sociology: Theoretical Issues and Opportunities // Rural Sociology. — 1996. — № 1. — P. 56–76.
- Buttel F.H.* Sociology and the Environment: the Winding Road toward Human Ecology // International Social Science Journal. Special Issue. Environmental Awareness. — 1986. — № 5. — P. 337–356.
- Canan P.* Bringing Nature Back. The Challenge of Environmental Sociology // Sociological Inquiry. — 1996. — № 1. — P.29–37.
- Catton W., Dunlap R.* A New Ecological Paradigm for Post-exuberant Society // American Behavioral Scientist. — 1980. — № 1. — P. 15–47.
- Duncan O.D., Schnore L.F.* Cultural, Behavioral and Ecological Perspectives in the Study of Social Organization // American Journal of Sociology. — 1969. — № 2. — P. 132–136.
- Dunlap R., Buttel F., Dickens P., Gijswijt A.* (eds.) Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. — Lanham: Rowmann & Littlefield, 2002.
- Dunlap R., Catton W.* Environmental Sociology: A Framework for Analysis // Progress in Resource Management and Environmental Planning. Vol.1 — Chichester, 1979. — P. 57–85.
- Dunlap R., Catton W.* Environmental Sociology // Annual Review of Sociology. — 1979a. — № 5. — P. 243–273.
- Dunlap R., Catton W.* Struggling with Human Exceptionalism: The Rise, Decline and Revitalization of Environmental Sociology // The American Sociologist. — 1994. — № 25. — P. 5–30.
- Giddens A.* The Construction of Society. — Cambridge, 1984.
- Jarvikovski T.* The Relation of Nature and Society in Marx and Durkheim // Acta sociologica. — 1996. — Vol. 39. — P. 73–86.
- McKenzie R.D.* The Ecological Approach to the Study of Human Community // Park R.E., Burges E.W., McKenzie R.D. The City. — Chicago, 1925. — P. 63–79.
- Nisbet R.* Social Change and History. — N.Y., 1969.
- Park R.E.* Society: Collective Behavior, News and Opinion, Sociology and Modern Society. — Glencoe, 1955.
- Parsons H.L.* (ed.) Marx and Engels on Ecology. — Westport, 1977.
- Redcliff M., Woodgate G.* (eds.) The International Handbook of Environmental Sociology. — London: Edward Elgar, 1997.
- Schnaiberg A.* Social Syntheses of the Societal-Environmental Dialectic: The Role of Distributional Impacts// Social Science Quarterly. —1975.—Vol. 56. — P.5–20.